

Жан Феликс Дюбуссе (1936–2025)

Из Франции пришла горестная весть: 5 мая не стало Жана Дюбуссе. Для любого, кто занимался патологией позвоночника и, в первую очередь, деформациями, эта фраза означает конец целой эпохи. Бог дал ему сил понять и сделать столько, что хватило бы на несколько жизней.

Жан Феликс Дюбуссе (Jean Felix Dubousset) родился 16 ноября 1936 г. в Монферране, его родителями были Marcel Dubousset и Jeanne Blanche Tomazet. Докторскую степень получил в университете Clermont Ferrand в Париже, с 1991 г. – профессор университета Rene Descartes.

Жан Дюбуссе был детским ортопедом широкого профиля, но основные его усилия были направлены в область вертебрологии. За исследование злокачественных опухолей позвоночника у детей он получил премию академии наук Франции, разработал оригинальный и эффективный метод лечения спондилолистеза. Но все же главное в его научной карьере – сколиоз. В конце 1982 г. Ив Котрель (Yves Cotrel) пригласил его к участию в работе по созданию принципиально нового эндокорректора, получившего название CDI (Cotrel–Dubousset Instrumentation). Это изобретение давно известно во всем мире, о нем написаны тысячи и тысячи страниц научных текстов, с помощью CDI и его последующих вариантов прооперировано не менее 1,5 миллиона пациентов на всех континентах. Оно перевернуло наши представления о планировании, технике и оценке результатов операций, поскольку базировалось на сформулированных Жаном Дюбуссе теоретических положениях о ТРЕХМЕРНОСТИ сколиотической деформации: СКОЛИОЗ – ЭТО ТОРСИЯ, сколиотическая деформация развивается и прогрессирует В ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ ПЛОСКОСТИ.

Главной характеристикой научных трудов Дюбуссе был мультидисциплинарный подход – компьютерная техника, физика, биомеханика (знаменитый «конус экономии»), но во главе всего оставался больной с конкретной 3D-деформацией. Отсюда – метод симуляции коррекционных маневров на компьютерной модели. Для этого в сотрудничестве с лауреатом Нобелевской премии по физике Georges Charpak был создан уникальный диагностический комплекс EOS.

Дюбуссе был первым, кто в сотрудничестве с инженерами разработал и применил в клинике магнитно-контролируемые дистракторы для лечения ранних сколиозов.

Его научные звания и награды настолько многочисленны и разнообразны, что достаточно выделить лишь основные. Жан Дюбуссе был членом двух французских академий – медицинской и хирургической. Он стал членом общества исследования сколиоза (Scoliosis Research Society – SRS) в 1985 г. Ему вручена золотая медаль хирургической академии Франции за разработку метода лечения, применяемого за пределами страны. Таких медалей на тот момент было всего четыре. SRS вручило ему специальный приз за исследования, проведенные в течение всей научной карьеры. В 2000 г. он был удостоен ордена Почетного легиона, высшей награды Франции. Перечислять можно еще долго.

Его жена, с которой он прожил всю жизнь (они поженились в 1959 г.), Anne-Marie Shognon, была детским анестезиологом. В бесконечных поездках она была рядом с супругом. У них родилось трое детей и 12 внуков.

Жан Дюбуссе любил Россию и приезжал к нам много раз для участия в съездах, чтения лекций и общения с молодыми специалистами, бывал в Москве, Санкт-Петербурге, Кургане. В 1995 г. он выполнил первую в нашей стране показательную операцию с применением CDI в детской клинике Новосибирского НИИТО.

Он был невероятно общителен, ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем обсуждение научных вопросов. Объехал весь мир, он был потрясающе эрудирован, знал всех и вся в нашем деле.

Жан Дюбуссе прожил большую и прекрасную жизнь, оставил потрясающее наследие. Его невозможно забыть, его труды обессмертили его имя.

Ассоциация хирургов-вертебрологов России

Короткие воспоминания

Судьба подарила мне возможность в течение многих лет периодически встречаться и общаться с Жаном Дюбуссе. Этот великий французский хирург и ученый оставил после себя не только инструментарий, в названии которого есть его имя, но и результаты глубочайших исследований природы сколиоза, расширившие наши представления об этой болезни.

Первая встреча с ним была в ноябре 1996 г. Мы к этому моменту уже выполнили две первые операции с использованием CDI, но разве это опыт? Директор Новосибирского НИИТО Н.Г. Фомичев поспособствовал приезду в Новосибирск Жана Дюбуссе. И он вместе с супругой Анн-Мари и д-ром Рейнхардом Зеллером добрался до столицы Сибири по довольно заковыристому маршруту: Париж – Токио (там Жан читал лекции) – Москва – Новосибирск. У нас должна была состояться показательная операция, мы готовились к ней самым тщательным образом. «Майкл, – сказал мне Фомичев, – ты же поедешь встречать их в аэропорт, хоть догадайся бабе цветы подарить». (Профессор Фомичев никогда не скрывал, что родился в сельской местности.) Я ударил себя по лбу, приобрел цветы, встреча в порту прошла на высоком уровне, но имела неожиданные последствия. В следующем году мы с Николаем Гавриловичем были гостями клиники Дюбуссе. Там мы узнали, что в силу сложности межличностных отношений знаменитый профессор Жан Дюбуссе даже не являлся главой клиники, что, как нам показалось, его не особенно мучило. Мы посидели с Жаном на приеме, попытались посмотреть операцию, но ее прервали из-за неожиданно большой кровопотери, и Жан пригласил нас на ланч в ближайшее кафе. Там он «огорошил» меня сообщением: «Моя жена не может тебя забыть». «Почему?!» – спросил я. Жан засмеялся: «Ты не знаешь женщин. Вспомни, она прилетела в Сибирь, это бог знает где, ночь, сугробы, собачий холод, а ей преподносят ее любимые розы. Она вспоминает тебя раз в неделю». Все последующие визиты супругов Дюбуссе в Новосибирск включали вручение букета роз. Операция прошла штатно, хотя Жан сделал мне замечание за слишком большой доступ, который я для него подготовил. Невероятно интересно было смотреть на его технику. Потом он читал лекции, обучая нас теоретическим основам применения инструментария Cotel – Dubousset. Естественно, было много вопросов. Жан ухватывал суть вопроса с первого слова и терпеливо ждал возможности ответить и растолковать. Он говорил на сравнительно простом английском с французским прононсом, понимать его было нетрудно.

Второй его визит в Новосибирск состоялся в 2014 г. в связи с проведением первого в России лекционного курса SRS. Я встречал Жана и Анн-Мари в порту. Первое, что он произнес: «Майкл, ты только подумай, 18 лет прошло!» Курсы получились отличными, причем во многом благодаря участию Дюбуссе. Лекторы из США, Англии, Турции, все – превосходные специалисты, прекрасно знали основные работы Дюбуссе, хотя я не уверен, что все они были с ним знакомы лично. Он сделал два доклада, эти сообщения и ответы на многочисленные вопросы были настолько интересными, что после каждого последующего выступления председательствующий подходил к Жану с микрофоном и говорил: «Что вы думаете об этой проблеме?» Весь зал слушал затаив дыхание, мы все понимали, что участие Дюбуссе – огромная удача для всех нас.

Жан Дюбуссе с супругой Анн-Мари

В 2008 г. исполнилось 25 лет первой операции с применением CDI – оперирован был подросток с деформацией позвоночника на почве болезни Фридрейха. Незадолго до этого Ив Котрель пригласил Жана Дюбуссе к совместной работе и апробации первого варианта инструментария, который впоследствии некоторые называли «классическим». На тот момент (2008 г.) в мире было выполнено уже более 400 000 операций с применением CDI. Было решено отметить эту дату, в Париж были приглашены хирурги (человек 100–120) со всего мира, мне посчастливилось попасть в их число и принять участие (в качестве одного из модераторов) в чрезвычайно интересной дискуссии, в ходе которой мы детально обсудили более 30 случаев применения CDI при различной патологии позвоночника. Дискуссия продолжалась два дня, но Ив Котрель принимал в ней участие в только в первой половине. На второй день его не было, вероятно, из-за плохого самочувствия. Всю дискуссию вел Жан в своей характерной очень активной манере. Но вот обсужден последний случай, программа исчерпана, Дюбуссе спустился с трибуны, а мы все встали с мест и подошли к нему. Он начал свое заключительное слово, но неожиданно из толпы вышел один из хирургов, очень известный специалист из Южной Кореи Ким Иль Сук, и произнес: «Подожди, Жан, сначала говорить будем мы». Он говорил об истинной значимости этой разработки, изменившей в корне технику и результаты оперативной коррекции деформаций позвоночника, о том, как это все повлияло на наше понимание вертебральной патологии, на нашу хирургическую ментальность, о том, что это было поистине великое изобретение. Он говорил, а я смотрел на Дюбуссе. Когда человека хвалят, он может покраснеть от удовольствия. Дюбуссе буквально побагровел, и я понял, насколько важна для него эта оценка их с Котрелем труда, насколько вообще значима оценка истинных профессионалов, не склонных к сантиментам и предельно объективных.

Еще один маленький эпизод «из той же оперы». Очередной обучающий приезд Дюбуссе в Новосибирск. Я встретил их с Анн-Мари в порту, мы едем в гостиницу и болтаем обо всем и ни о чем. Неожиданно Жан сообщает, что французская академия наградила его золотой медалью за разработку метода лечения, который применяется повсеместно за пределами Франции. Потом добавляет: «Жена очень гордится». Я смотрю на Анн-Мари, она внимательно изучает темноту за окном, и не без доли схищства думаю: «Можно полагать, ты сам не гордишься, ведь упомянул, что подобных медалей было вручено всего четыре». Маленькие слабости великих...

Однажды спросил Жана, как он относится к Наполеону. Ответ удивил: «Плохо!» Спрашиваю: «Почему?» «А как иначе относиться к человеку, который уничтожил целое поколение европейцев?» И ведь не поспоришь...

Говорили о науке, и я задал очередной вопрос: «Почему ты не пишешь книги? Руководство по лечению деформаций позвоночника, вышедшее из-под пера одного из создателей CDI, да еще с результатами его исследований и размышлений запоем читал бы весь «позвоночный» мир в течение еще многих и многих лет». Ответ: «Мне это неинтересно, мне необходимо живое общение». Можно было бы и поспорить, но я не стал. Во-первых, кто я, что бы перечислять Жана Дюбуссе, во-вторых, это тоже интереснейшая характеристика.

В ходе первого из учебных визитов в Новосибирский НИИТО мы провели совместный клинический разбор. Ребята подготовили интересные случаи, подготовились сами (все вдруг заговорили на английском), волновались. Было потрясающе интересно, все обсудили детальнейшим образом. Жан не давал нам спуска, жестко указывая на ошибки. Он вытащил заветную флешку со своими презентациями, иллюстрируя каждое положение и растолковывая все до деталей. Все откровенно ловили кайф, мы – от уровня знаний и опыта, с какими встречаться ранее не доводилось, он – видя, как это все нам интересно. Разбор длился три часа, которые пролетели махом. Выйдя из ординаторской, Жан сказал: «Отличная у тебя команда!» И было видно, что это не просто вежливость. На следующий день картина полностью повторилась в клинике нейроортопедии, которой тогда руководил Саша Крутько.

Когда мы проводили в НИИТО лекционный курс SRS (2014 г.), директора института М.А. Садовой посетила отличная идея – принять профессора Жана Дюбуссе на работу и организовать раз в три месяца его визиты в институт с лекциями, дискуссиями и всем прочим. Когда идея была озвучена в ходе прощального застолья, Жан отвел меня в сторону и задал короткий вопрос: «Тебе это нужно?» Было ясно как божий день, что подобные экзерсисы для почти 80-летнего профессора – нелегкое испытание. И что я должен был ответить? Спасибо, не стоит? Но мне по понятным причинам это было очень надо, я честно сказал: «Да». Жан кивнул – нет проблем. Конечно, приезжать каждые

три месяца было нереально, но в течение трех лет он приезжал каждые полгода, каждый визит его был событием. Принять его в штат НИИТО не удалось по каким-то бюрократическим причинам, но это никого не волновало. Жан приезжал на 4–5 дней и работал как заведенный. Часть его лекций я позднее свел вместе, мы издали небольшую книгу «Сколиоз и гармония». Тираж был скромный, но я искренне рад за тех, у кого эта книга есть. Жан отнес ее в хирургическую академию Франции, где она и хранится. Аналогично он поступил с двумя нашими совместными монографиями «Сколиоз. История болезни» и «Болезнь Шейерманна». О такой чести даже мечтать не доводилось.

Кстати, о болезни Шейерманна. У Дюбуссе к ней было особое отношение. Он был категорически уверен, что исправлять юношеские кифозы хирургическим путем нужно очень редко и по строжайшим показаниям (каким – читайте в его публикациях). Он говорил неоднократно, что сам он это делал считанное количество раз, правда, само это количество в его рассказах варьировало от 9 до 20 с чем-то. Один из его визитов мы подгадали к короткому курсу усовершенствования по хирургии деформаций позвоночника, и несколько счастливиц из разных городов России сподобились его видеть и слышать его лекции. Говоря о болезни Шейерманна, он неожиданно спросил, сколько я сделал таких операций. Пришлось ответить честно: примерно две сотни. Новый вопрос: за сколько лет? Примерно за двадцать. Жан произвел в уме вычисления и кивнул – типа «ничего, приемлемо». У меня с души несколько отлегло.

Дальше было хуже – в какой-то момент ему стало резко плохо с сердцем. Благо мы находились в медицинском учреждении, в минуту водрузили его на каталку, доставили в реанимацию и привели в порядок. Ощувив улучшение, он немедленно собрался обратно. Мы хором просили не спешить, но он с криком «I must return to the meeting» все-таки добился своего. Такая порода...

В одном из разговоров речь зашла о спорте, и выяснилось, что в молодости Жан играл в регби. Насколько я знаю эту игру, каждый из ее участников габаритами напоминает платяной шкаф, чего сказать о Дюбуссе совершенно невозможно. Может быть, это было связано с характером? Так или иначе, удивительно.

Заговорили о транспедикулярном синтезе. Жан хорошо знал лично Раймона Руа-Камий и рассказал об одном их разговоре, в котором Раймон поведал об обстоятельствах этого изобретения. Он оперировал молодую женщину, уже прооперированную ранее в другом госпитале по поводу повреждения поясничного отдела позвоночника, причем часть костных структур в результате этой операции отсутствовала. Руа-Камий, по его словам, «провалился» инструментом в корень резецированной дужки, тут-то его и осенило. Все гениальное просто или кажется таковым.

Нельзя не упомянуть супругу Жана Анн-Мари. Удивительная женщина. Она всегда была рядом с мужем, кроме тех случаев, когда он находился на трибуне, а она в зале. Жан, насколько я могу судить, просто не мог без нее существовать. Она была рядом во всех поездках, на съездах и т.д. Когда Жан проводил длительные клинические разборы в нашем институте, она была здесь же и, что удивительно, внимательно слушала. Не читала, не вязала носок, не копалась в телефоне, а слушала. Слушала то, что, вероятно, знала наизусть. Видимо, просто не могла иначе.

В первый приезд с лекциями было организовано застолье где-то за городом. Прозвучало множество тостов, Анн-Мари тоже попросила слова и завершила свое выступление, сообщив, что этот день для нее особый – годовщина свадьбы. М. Садовой мигнул кому надо и через 10 минут вручил ей букет белых роз. Она была очень довольна.

Один только раз я видел ее озабоченной. В один из приездов в последний день визита мы все участвовали в институтской еженедельной конференции, причем Жан сразу обратился в слух и погрузился в обсуждение клинических случаев, а Анн-Мари поведала мне о том, что паспорта и авиабилеты пропали. Пропали, и все. Некоторые из ребят вместе с Анн-Мари пошли в номер и вернулись ни с чем. Хорошенькое дело! Сегодня пятница, им в воскресенье улетать! Выручил начальник охраны Е. Беляев. Услышав вопли, он выяснил ситуацию, схватил бедную и сильно погрузневшую Анн-Мари и снова отправился в гостиницу, где обнаружил билеты и паспорта в кармане куртки, висевшей на стене... Интересно, что Жан во всей этой кутерьме не принимал ни малейшего участия, хотя был в курсе и сохранял ледяное спокойствие.

В ходе каждого визита мы водили чету Дюбуссе в театр или на концерты. Мне казалось, им это очень нравится. Один из их сыновей – музыкант и дирижер, поэтому Жан сохранял программки, спрашивал меня, что где написано – это могло быть интересно сыну.

Котрель и Дюбуссе основали небольшое научное сообщество – GICD (Group International Cotrel–Dubousset), которое проводило свои митинги, может быть, не самые многолюдные, но очень интересные. Один из них, кстати, проходил в Санкт-Петербурге – Дюбуссе хотел увидеть этот город. Другой проходил в Риме, и все были удивлены отсутствием Жана Дюбуссе, который появился с большим опозданием и в несколько неожиданном виде. На нем был белый джинсовый костюм и кроссовки – для научного собрания как-то не очень. Жан, однако, вышел на сцену и начал вести дискуссию. Увидев несколько удивленных взглядов, сказал очень просто: «Не обращайте внимания, у меня пропал багаж». Судя по всему, это обстоятельство волновало его в последнюю очередь.

Только раз я видел Жана рассерженным, хотя он явно старался скрыть свое настроение. Его пригласили в один город, располагающий знаменитым НИИ ортопедотравматологического профиля. Местные хирурги разработали метод оперативной коррекции деформаций позвоночника, действие этого инструментария было основано на принципах, в вертебрологии малоприменимых. Жан сказал об этом четко и, пожалуй, даже жестко. Каждая фраза его выступления начиналась словами «I don't understand». На хозяев эти слова, по-моему, впечатления не произвели.

Так всегда бывает – со смертью близкого человека из жизни уходит что-то очень важное. Я осмелился представить коллегам фрагментарные и весьма поверхностные заметки, потому что иначе уже не смогу выразить свое восхищение этим человеком, которое с каждой нашей встречей только росло. Для меня он был другом, учителем и старшим братом. Мир праху его...

Проф. М.В. Михайловский

Жан Дюбуссе с сотрудниками Новосибирского НИИТО